

Рец. на: И.С. Розенталь. Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. М.: Новый хронограф, 2015. 536 с.

Kirill Soloviev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: I.S. Rozental'. N. Valentinov i drugie. XX vek glazami sovremennikov. Moscow, 2015

Обычно биографический жанр предопределяет характерные особенности текста — автор следует за жизненными вехами героя повествования, словно за нитью Ариадны. Монография И.С. Розенталя не соответствует подобным жанровым требованиям. Не относящаяся в полном смысле этого слова к биографическим исследованиям, она написана «на стыке» сюжетов, научных проблем и подходов.

Герой книги — Н. Валентинов (настоящее имя и фамилия Николай Владиславович Вольский) — известен многим исследователям, прежде всего как автор научных работ и воспоминаний о В.И. Ленине. Отнюдь не умаляя значения этой «ипостаси» Валентинова, Розенталь представляет его и как оригинального мыслителя, наблюдательного мемуариста и в первую очередь серьёзного историка. Нет сомнений, что Валентинов достоин исследований. Однако о нём написано очень мало, хотя созданное им неизменно обращало на себя внимание. «Самый блестящий человек в эмиграции» (по определению адвоката М.С. Маргулиеса), «блестящий писатель и широко образованный человек» (по словам Р.Б. Гуля), «на редкость даровитый человек» (по оценке М.А. Алданова) до сего момента оставался без своего биографа.

И всё же эта книга не столько о Валентинове, сколько, памятуя её название, о «других» и другом. Такой авторский подход предопределён личностью главного действующего персонажа, историка и публициста, оставившего после себя значительный корпус текстов (воспоминаний, исследований, эссе), в которых так или иначе автор реагировал на происходившее в России и мире. У Валентинова остался большой архивный фонд, включающий 2,5 тыс. писем его знакомых: М.А. Алданова, Г.А. Алексинского,

Г.Я. Аронсона, Р.Б. Гуля, Е.Д. Кусковой, А.В. Руманова и др. (Гуверовский институт войны, революции и мира — Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Library and Archives. N. Valentinov papers). Их письма — тоже часть историографии, так как в них высказывались мысли, не получившие отражения в публикациях, но так или иначе циркулировавшие в интеллектуальной среде Русского зарубежья.

Пытаясь «ухватить» историографический процесс, автор должен был воссоздать контекст — интеллектуальный, социальный, политический. В итоге этот «фон» и вышел на первый план, что следует признать очевидным достоинством книги. Розенталь написал монографию в новом жанре, в сущности, мало известном в научной литературе. Это не «монолог» исследователя, а диалог автора со своими источниками, коллегами и, наконец, самим Валентиновым. Размышления же последнего — отправная точка для рассуждений автора о национальной политике, генезисе большевизма, природе событий 1917 г., закономерностях в истории и т.д.

При таком подходе многое зависит от избранной «системы координат». Историография событий начала XX столетия и сейчас остаётся насквозь «партийной», воспроизводя оценки, а порой целые научные построения столетней давности. Участники событий того времени (А.И. Деникин, А.Ф. Керенский, В.А. Маклаков, П.Н. Миллюков, Н.Н. Суханов и др.) оставили мемуары, которые вместе с тем оказались и первыми исследованиями их недавнего прошлого, тем самым заложив основу авторитетных историографических традиций, в значительной мере формирующих и современный взгляд на процессы и явления эпохи. Как раз в силу этих причин особый интерес

вызывает Валентинов, конечно, отнюдь не безучастный свидетель событий. Ему, по словам Н.Я. Эйдельмана, было свойственно «напряжённое и нервное рассматривание России» (с. 14). И всё же Валентинов даже нарочито подчёркивал отсутствие у него партийных пристрастий, пытался *понять* логику разворачивавшейся на его глазах исторической драмы, а не оправдать или же, напротив, обвинить её участников.

Историческими источниками для Валентинова зачастую служили собственные воспоминания и впечатления. При всех очевидных недостатках они обладают по крайней мере одним заметным достоинством. Так, в отличие от весьма информированных, но более молодых коллег Валентинов имел право с уверенностью говорить о том, какие настроения бытовали в российском обществе, например, до 1914 г., как его знакомые и друзья относились к изменениям, происходившим в то время в стране. Речь идёт о практически «ускользающей» от историка материи — общественных настроениях прошлого. Случай Валентинова тем более интересен, что его круг общения — политические деятели оппозиционных, а часто и леворадикальных взглядов.

Валентинов писал о заметном преобразении империи и её социума за короткий период — 1907–1914 гг. Он, много разъезжавший по России в качестве журналиста газеты «Русское слово», был тому прямой свидетель: «Он видел, как ускоренно шла индустриализация, как “целыми пластами” уходила земля из дворянских рук и переходила в руки “крепких крестьян”, как шло в городах громадное жилищное строительство, как внедрялась кооперация всех видов, особенно в деревне, улучшалось земское и городское хозяйство, как росла в народных массах жажда образования. Он констатировал, таким образом, не только экономический рост, но и его последствия» (с. 94). Однако это всё не отменяло асинхронности развития Российской империи: политическая сфера не поспевала за экономической и общественной жизнью, стала «скорлупой», мешавшей гармоничному и, может быть, даже более быстрому развитию страны. Тем не менее у Валентинова и его знакомых была уверенность, что даже во многом анахроничная политическая система не мо-

жет препятствовать эволюционным изменениям в России. По словам Валентинова, до 1914 г. «никакой революцией тогда не пахло» (с. 130). Даже среди многих социал-демократов того времени крепло убеждение, что в России начался продолжительный период поступательного развития без каких-либо социальных потрясений.

Сообщая об этих настроениях, Розенталь упоминает о хорошо известной в историографии деградации политических партий в межреволюционный период. Объединения, рождённые революцией, не вполне соответствовали новым вызовам времени. «Ликвидаторы» были не только среди социал-демократов, но также среди эсеров и кадетов. Лозунги революционной эпохи уже не являлись актуальными. Общество устало от политики, привыкшей к «птичьему языку», и с неизбежностью деполитизировалось. Многие же партийные лидеры застыли в своём развитии, оказались неспособными увидеть изменения, переживаемые страной, а следовательно охарактеризовать их. Это позволило Розенталю поставить вопрос о языке описания социальной организации России начала XX в. и вспомнить последние научные исследования, посвящённые данному сюжету.

Это пример того, как удачно влетён детальный анализ историографии в канву биографического повествования. Автор монографии затрагивает множество вопросов истории России первой половины XX в., получивших отражение в современной научной литературе: экономическое развитие страны до начала Первой мировой войны, коррупцию среди высшей бюрократии империи, мировоззрение Николая II, феномен Серебряного века, понятие «интеллигенция», особенности российского политического масонства, деятельность Тактического центра, характер политической системы Советской России и т.д. Розенталь не боится обращаться к спорным работам, вызывающим живую дискуссию в современной науке. Определяя своё отношение к этим сюжетам, он выходит на широкие обобщения, часто относящиеся к особенностям работы историка. Например, рассуждая о роли императора в политической истории России начала XX в., автор приходит к выводу: «Итак, что лучше — “презумпция виновности” Николая II или “презумпция невинов-

ности”? Неуместно то и другое, никакая предвзятость не может гарантировать научную нейтральность» (с. 187).

Размышляя об исторических изысканиях Валентинова, много писавшего о понимании «мессианства» России в истории отечественной общественной мысли, Розенталь фактически предлагает вниманию читателя целое эссе, посвящённое данной тематике, но основанное преимущественно на материалах современной историографии. В сущности, автор ставит вопрос о включённости исследователей наших дней в историографические мифы вековой давности, о частой неспособности приподняться над ними и готовности воспроизводить привычные штампы. Возможно, благодаря монографии Розенталя в отечественную литературу войдёт удачный валентиновский термин — «филофейство», который, как легко догадаться, происходит от имени монаха Спасо-Елеазорова монастыря Филофея, предполагаемого автора концепции «Москва — Третий Рим». В данном случае речь идёт не об интеллектуальных построениях XVI в., а о национальных мифах и комплексах, воспроизводящихся в общественной мысли и историографии XIX—XXI вв. В сущности, Валентинов и вместе с ним Розенталь поставили вопрос об ответственности историка за господствующее умонастроение социума и одновременно о способности исследователя преодолевать ожидания читателя, своей «референтной группы».

Выбирая в качестве точки отсчёта Валентинова, Розенталь описывает интеллектуальное пространство России и Русского зарубежья первой половины XX в., в котором звучали разные голоса: с одной стороны, приверженцев отличных друг от друга политических взглядов — социалистов, либералов, консерваторов, с другой — представителей различных профессий, сфер деятельности — политиков, публицистов, литераторов, учёных, художников. Далеко не всегда это был стройный партийный хор, но всё же разные, порой плохо сопоставимые позиции так или иначе влияли друг на друга. Именно поэтому один из основных исследовательских приёмов Розенталя — вписать тексты Валентинова в широкий контекст, сравнить их с воспоминаниями современников — М.А. Алданова, Н.Н. Бербе-

ровой, Ю.В. Готье, В.О. Ключевского, М.М. Ковалевского, Е.Д. Кусковой, С.Н. Прокоповича, Ф.А. Степуна, А.С. Суворина, И.Д. Сытина, К.И. Чуковского и др. Причём они оказываются не «статистами», а самостоятельными героями повествования. И не только они, но и А.А. Блок, Андрей Белый, В.И. Ленин, П.Н. Милюков, Г.В. Плеханов, В.В. Розанов, П.Б. Струве, И.Г. Церетели, В.В. Шульгин.

Эта книга плотно «заселена» людьми, их прозрениями, слабостями, страстями. Автор отнюдь не стремится к упрощению картины. Общественная жизнь в России и эмиграции «написана» разными красками. В ней есть место свидетельствам радости, охватившей Францию в связи с Мюнхенским соглашением 1938 г., пронемецким взглядом в период Второй мировой войны значительной части российской эмиграции, её готовности адаптироваться к условиям жизни в оккупации в начале 1940-х гг. Очень часто такие настроения были обусловлены конъюнктурой и быстро менялись. Лица, высказывавшие ту или иную точку зрения, в скором времени забывали о ней и говорили нечто противоположное. Однако эмоциональную составляющую невозможно изгнать из истории общественной мысли. Слово, случайно сказанное в полемическом задоре, под влиянием отчаяния, апатии или, напротив, радости, тем не менее имело свою судьбу и иногда много значило для становления той или иной концепции, идеологического построения.

Интеллектуальный портрет Валентинова сам по себе даёт пищу для размышления. Так, его идейная эволюция немало может рассказать об истории русского марксизма начала XX в., ретроспективный анализ которого не всегда приводит к научно корректному результату. По оценке самого Валентинова, марксизм того времени — не только идеология или же историософский подход. В значительной мере, а может быть, даже прежде всего это культурный выбор, самоощущение русского интеллигента в интеллектуальном пространстве современности. Валентинов свидетельствовал: предпочитая марксизм, активный молодой человек очень часто выбирал европейский путь развития для России, относил последнюю к числу западных стран и готов был примерять для неё «платье европейского покроя».

Биография Валентинова лишний раз демонстрирует и всю сомнительность идеологических рамок, в которые исследователи любят помещать своих героев. Прежде всего темперамент и жизненные обстоятельства привели Валентинова к Ленину, чьим сторонником он был некоторое время. Но Валентинов не стоял на месте, преодолев в скором времени не только большевизм, но и марксизм, он уже в эмиграции взглянул на него со стороны. Историк был искрещен на всех этапах своей интеллектуальной эволюции и одновременно органичен быстро менявшимся обстоятельствам. Его идеологическая «подвижность» представляется скорее нормой, чем исключением, в особенности для человека, исследовавшего социальную и политическую жизнь, пытавшегося осмыслить логику исторического процесса.

Рецензируемая монография — о профессии историка, который изучает прошлое, пытаясь понять настоящее, по мере возможности преодолеть собственную предубежденность, порой оказываясь в плену у общественных предрассудков, политических страстей или историографических штампов. Его книги, подобно мозаике, собираются из того, что окружает автора: воспоминаний детства и юности, прочитанного в газете, подслушанного на улице. Его высказывания — конечно, результат исследовательского труда, но помноженного на личный интеллектуальный (и не только) опыт и пристрастия. Это тот «сор», из которого растёт историческая наука. Ведь ход развития идей — в первую очередь история конкретных людей с их опытом, темпераментом, чертами характера.